

18+

**ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ
РОМАН**

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИК
СТИХОВ и рассказов**

Производственный процесс — как источник вдохновения!

Ксения Левонесова

**Производственный роман.
Коллективный сборник**

«Издательские решения»

Левонесова К.

Производственный роман. Коллективный сборник /
К. Левонесова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692802-2

Авторы сборника доказывают, что тема производства в литературе
неисчерпаема. Сборник издан при поддержке малых грантов компании
ЕвроХим.

ISBN 978-5-00-692802-2

© Левонесова К.
© Издательские решения

Содержание

Проза	6
Автор: Владимир Белошеев	6
Дело о хищении	6
Автор: Александр Дёмышев	10
Однажды в цехе	10
Автор: Марат Валеев	13
Ночной перекус	13
Автор: Тимофей Перевезенцев	16
Ваниль для механического цеха	16
Автор: Ирина Юсупова	20
Выброшенная обитель	20
Автор: Станислав Заречанский	26
Горная порода	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Производственный роман

Коллективный сборник

Редактор Ксения Левонесова

Дизайнер обложки Ксения Соловьева

Составитель Майя Неверович

© Ксения Соловьева, дизайн обложки, 2026

© Майя Неверович, составитель, 2026

ISBN 978-5-0069-2802-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Производственный роман – литературный жанр, рождённый ещё в XIX столетии, но получивший истинное развитие в эпоху Советского Союза.

Изначально он прославлял величие труда, показывая, как обычные люди возводят заводы, прокладывают железные дороги, осваивают целину и покоряют космос. Центральными фигурами становились рабочие, инженеры, учёные – герои, чьи личные победы олицетворяли прогресс всей страны.

Но времена меняются, и сегодня производственный роман – уже не просто хроника рабочих будней. Теперь у представителей этого жанра огромный простор для фантазии и множество новых сфер, о которых можно рассказать! Авторы пишут о стартапах, цифровых проектах и искусственном интеллекте.

А кто сказал, что о серьёзных вещах нельзя говорить стихами? Напротив, поэзия способна невероятно ярко и ёмко передавать атмосферу, ритм и энергию любого процесса.

Сборник «Производственный роман» представляет собой уникальную подборку произведений, отобранных по итогам одноимённого литературного конкурса, реализованного при поддержке малых грантов группы компаний «ЕвроХим». В книге размещены лучшие работы, которые раскрывают особенности жанра производственного романа.

Если вы думаете, что производство в литературе – это скучно, то эта книга перевернёт ваше представление!

Проза

Автор: Владимир Белощеев

Дело о хищении (отрывок)

Часть 1

Брошенка выросла на окраине города за лето, отделив промышленную застройку от спальных многоэтажек. Рабочие торопились освоить бюджеты, отчего как могли гнали стройку. Администрация планировала здесь детский сад, но на приёмке возникли вопросы, да и постоянные протечки крыши устранить к сроку не смогли. Многие годы здание пустовало. Так к нему прилипло это небрежное – Брошенка. А в двухтысячных провели небольшой косметический ремонт, и в помещения полным составом заехал третий отдел милиции.

Когда Жека пришёл в розыск молодым подтянутым лейтенантом, кадры обещали: «Ещё годик, ну максимум полтора, и под нас сделают современный отдел в центре. Просторные кабинеты, комната отдыха, парковка. Всё как на западе». Жека был идейным, оттого в неустроенности быта видел особый колорит, что непременно должен сопровождать непростую во всех отношениях работу.

С тех дней милиция успела стать полицией. Жека получил майора, сменил юношеский задор на зрелый рационализм, а привычное «Жека» – на режущее слух Джонни. Это прозвище однажды сорвалось с языка оперативного дежурного Василича. Его взбесила непонятно откуда взявшаяся назойливая привычка Жеки на каждую поставленную задачу отвечать – «а почему я?» или «я не понял».

«Значит, снова не понял? – взорвался Василич. – Ты вообще русский? Может, ты не Жека, а Джонни?»

Новоиспечённый Джонни безразлично улыбнулся.

Только Брошенка с нулевых не изменилась и так и глядела в затянутое облаками небо дырявой кровлей. Разве что на окнах дежурной части появились массивные ставни с бойницами да в актовом зале поставили громоздкую кофемашину – на неё сбрасывались всем составом.

Сегодня Евгений Сергеевич, или, как его теперь знала Брошенка, Джонни, заступал на сутки. Дежурства в понедельник он не любил особо – много «хлама» приходилось разгребать с выходных. Джонни свyksя и принимал такие смены как данность. Теперь на очередной понедельник в графике разве что устало вздыхал, поправляя под нависшим брюхом джинсы. Вздыхал Джонни и на встревоженных заявителей, на режим усиления по выходным, на бумагу для принтера за свой счёт, ещё и ещё вздыхал.

Обычно Джонни приезжал на дежурство к восьми: пробежаться по сводке и выпить кофе – времени с лихвой. Но с четверга, вот уже как чёртовы три ночи, из-за того странного, пьяного звонка от Белого он почти не спал. И сегодня опять ворочался в дреме. Наконец решил не дожидаться будильника, принял душ и оказался в Брошенке около пяти утра.

Прапорщик из дежурки¹ самодовольно ухмыльнулся Джонни и, как только тот поравнялся с окошком, пискляво окликнул:

– Мужчина, у нас закрыто. Вы к кому?

– Оригинально, – сухо парировал Джонни. Прапорщик Полищук ещё с сержантов тужился острить. Выходило топорно. С годами лучше не стало. – Василич где? Сегодня ж его смена.

– Дежурный прилёг. Передать что? Передам всё, кроме денег, – вновь усмехнулся Полищук.

– Не, пусть отдыхает. – Джонни пристально оглядел стенд с надписью «Внимание! Розыск!», затем поинтересовался осторожно, словно боясь услышать неверный ответ: – Ты, случаем, Белого не видел?

– Белого? – переспросил Полищук. – Так Миху ведь отстранили.

– Не посадили же! – огрызнулся Джонни.

– Не видел, – обидчиво выдавил прапорщик. – Если кого потерял, форму заявления знаешь. Только не в мою смену. По потеряшкам в этом квартале перебор, – хотел он прикрыть окошко, но Джонни остановил жестом:

– Ладно тебе. – Он натянул дежурную улыбку. – Молодой на выезде?

– Аркаша у себя. В 412-м. – Затрещал телефон, и прапорщик отвлёкся. – Третий отдел полиции, Полищук. Говорите. Записываю адрес.

Часть 2

Ранним утром Брошенка всегда виделась Джонни уютной. Безлюдная и прохладная. Свет горел лишь на первом, в дежурке, и на четвёртом, где жили по кабинетам розыск да пара следователей. Джонни остановился у 412-го и прислушался.

– Деньги! – требовал из-за двери бас. Затем раздались пара глухих шлепков, словно гоняли по стене юркую муху.

«Работает Аркаша, – подумал Джонни. – Только не пережал бы».

Аркадий был самым молодым на этаже, да и во всей Брошенке, пожалуй. После армии сразу в полицию. Просился в дорожную службу, уж очень любил авто, но, глядя на его кувалды вместо рук, кадровики восторженно резюмировали: «Только в розыск! В ГАИ, увы, штат заполнен. Годик, максимум два, проявишь себя, а там, глядишь, и освободится местечко».

Аркаша во всём тянулся за старшими, но подводила его врождённая мягкость и полная бесхитрость. Ещё Аркаша был крайне доверчив и вёлся на всякий развод Полищука, из-за чего прапорщик уже имел неприятный разговор с Джонни. А ещё Аркадий оставался единственным, кто продолжал называть Джонни по-старому, по отчеству.

– Где деньги? – вновь донеслось настойчивое из 412-го.

Едва Джонни приоткрыл дверь, как Аркадий с размаху обрушил на стол набухший том дела. В кабинете разило вытрезвителем: смесь перегара, табака и пота. Джонни откашлялся:

– Ты продолжай. – Он поймал удивленный взгляд Аркаши и опередил расспросы: – Не спится что-то.

– Вот, Евгений Сергеевич, – Аркадий ткнул мясистым указательным пальцем в сидящего у стены мужика, – надежурил краженку.

Мужик согласно кивнул. Печать благодати на лице выдала степень его опьянения.

– Мужик-то положительный, из рабочих. Правда, в запое. Нам его в тот четверг, аккурат в День строителя, как потеряшку заявили.

¹ Дежурная часть.

При слове «потеряшка» мужик нахмурил густые косматые брови и сжал губы, словно вот-вот выдаст о себе важное, но снова обмяк.

– А ночью его в общежитии на Советской приняли, – продолжал Аркаша, расправляя собранный материал. – Евгений Сергеевич, смотрите. – Он нашёл среди бумаг нужную и бегом принялся читать, проводя огромным колбасным пальцем по тексту. – Заявила гражданка. Ранее незнакомый. Напросился в гости. Выпили. Она уснула, а как встала, из кошелька пропала наличка. Где деньги, а?! – внезапно выкрикнул Аркадий, но мужик лишь пожал плечами.

– И много ушло? – равнодушно уточнил Джонни.

– Сама не помнит, но заявляет, взял всё, что было. Да его и нашли за каких-то десять минут. В отрубоне на лестнице в соседнем подъезде. Мужика жалко, – Аркаша перешел на шёпот, – он же не воровской, из рабочих. Потому и вспоминаем, где деньги. Да?! – Аркадий снова прикрикнул.

Мужик кивнул и сипло выдохнул.

– Мне кражу зарегистрировать на раз, но понимаешь, там заявительница сама ни того. Я ей: «А сколько пропало? Может, вы ему в долг? Может, вы его сами за спиртным отправили?» А она мне: «Не знаю, не знаю. Всё украли».

– Уверен, разрулишь, – прервал Джонни. – Скажи, Белый не появлялся? Может, звонил?

Джонни взял с сейфа кружку, поддел мизинцем подсохшие на дне чайники и стряхнул на пол.

– Миха? Его как отстра... – Аркаша осёкся. – Он как с работы ушёл в том месяце, больше его не видел.

Джонни налил из чайника воды и залпом выпил. Мужик заёрзал на стуле.

– Дежурный стакан где у нас?

Аркадий осмотрелся.

– Ясно, нигде. – Джонни наполнил кружку ещё и протянул. Мужик с аппетитом зачавкал.

– Ладно, вспоминайте, – похлопал Джонни мужика по плечу и вышел. – Я к себе.

Часть 3

Настенные часы с дарственной надписью «220 лет МВД» никогда не показывали точно. Смена батареек и даже усердная встряска не спасали. Дотошный Белый по утрам подводил стрелки по Москве, но вот уже больше месяца они шагали как вздумается, и теперь показывали шесть утра. Джонни сверился со своими наручными и изумился:

– Чтоб добиться правды, достаточно было оставить часы в покое. Дать им время прийти в себя. – Джонни напряжённо улыбнулся случайному каламбуру. – Дать часам время, – повторил он.

С пропажей Белого времени, как догадывался Джонни, оставалось всё меньше. Он откинулся на стуле, разглядывая кабинет, знакомые каждой трещинкой потолок и стены. Стол напротив, как всегда, захламлён: стопки кодексов и исписанных ежедневников, пыльные архивные дела, черновики, мятые пластиковые стаканчики. При этом стол казался непривычно пустым, покинутым, что ли. И кожаное кресло, что дарили Белому на юбилей, кто-то уже стащил.

Джонни хотелось думать, что годы в одном кабинете сделали своё дело, раз он оказался единственным, кому Белый позвонил, прежде чем... Прежде чем что? Джонни не знал. В четверг вечером Белый набрал ему. Был излишне пьян, нудно и протяжно завывал в трубку, что с обеда отмечает День строителя. Динамик уловил шум дороги, и Джонни подумал тогда: Миха, походу, нацелен упиться в ноль, раз бродит ещё по городу. Белый затянул плаксивое, что отец его всю жизнь пахал на стройке, а заработал только грыжу. Гнусавил про тех, кого вечно не ценят, про одарённых, но не замеченных, оттого нужно брать своё, а не ждать пода-

чек. Джонни презирал взрослых мужиков, которые вот так откровенно ноют, а потому убавил в телефоне громкость, отвлёкся и принялся листать каналы кабельного ТВ.

– Подельник, чтоб твою! Ты вообще тут?! – заорал Белый, и Джонни едва не выронил мобильный. – Джонни, запомни! – Это «запомни» Белый выдал отчётливо хлётко, как на допросе. – Последние пару лет – это всё ты. Ты, – нахальные смешки в трубку. – Я наконец решил, как с тобой рассчитаться.

Звонок прервался, и Джонни обрадовался тогда, видимо, батарея села. Устал от нытья. Однако радость быстро сменилась ноющей болезненной тревожностью. Слова Белого он запомнил. Что значило: «Пара лет. Это всё ты»?

Ни утром, ни позже Белый не отвечал, телефон так и не включился. Они не были напарниками, разве что делили один кабинет. Джонни отвечал за имущественные, Миха за НОН². И не общались особо. Здесь не столько разница в возрасте (Белый был лет на десять старше Джонни), сколько сам Миха – вечно в себе, напыщенный, даже барский. Жил бобылём и дружбы не водил. Только под пенсию, уже как пару лет, немного оттаял, что ли. Вступил в «Динамо», стал отмечаться на общих пьянках. Раз затащил Джонни к себе. В тот вечер они чертовски нарезались, и, кажется, впервые Белый заговорил о личном:

– Ты что-то за меланому слыхал?

– Это такие родинки?

Миха отмахнулся и перевёл тему. А еще, как показалось Джонни, Белый стал излишне сентиментальным в последние годы. Откопал где-то эти сувенирные часы и такую же подарочную Zippo с гравировкой «220 лет МВД». Пытался всучить зажигалку Джонни – дескать, на долгую память, но Джонни не курил, да и не любил в карманах лишнего, отчего даже ключи всегда привычно выкладывал на стол. В один из дней Белый совсем без причины обклеил стену в их кабинете грамотами. Откопал все, что были. Среди прочих ведомственных юбилейных Джонни с удивлением отметил несколько за шахматы, пусть по юниорам, но первые места. В коридоре слышалась жизнь. Насвистывая, кто-то зашаркал к туалету.

– Петров. – окликнул Джонни, и звуки стихли. – У тебя дом есть?

Под конец каждого месяца, в пору отчётных показателей Сева Петров – старший следователь Брошенки – по несколько дней ночевал в отделе. Кряхтел невнятное, что живёт далеко и ему проще лечь в кабинете. Но Брошенка знала, Сева постарел. Цокал по этажам выгнутой дряхлой гончей. Хвастался новой диетой. На деле зеленел, сдаваясь язве. Пальцы его побелели морщинистой тонкой кожей и потеряли ловкость. Теперь он вынужден был подолгу сидеть над клавиатурой, запрокинув больные руки. Полковника ещё не давали по должности, должность уже не давали по возрасту. Мог хоть сейчас уйти на пенсию, но продолжал приходить. Признался как-то, привык настолько, что не может бросить Брошенку.

– Дежурка звонила, – хрипло отозвался Сева. – С Белым у нас, походу, ЧП.

– Что стряслось? Он жив? – Джонни сорвался к аппарату и набрал дежурку.

Оперативный дежурный Василич сонно и тяжело, точно остатки крема из тюбика, выдавил из себя:

– Обратились соседи. Трупный запах из-за двери. Ты сам-то давно Белого видел?

– С месяц, наверное. – Джонни перевёл взгляд на часы. Без пяти семь. – Василич, давай я на выезд. Ты же знаешь, мы с Михой... Прикрой на разводе. Выручай!

– Валяй, – лениво зевнул дежурный. – Только в темпе, машинка на улице.

² Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Автор: Александр Дёмышев

Однажды в цехе

Первый день после выходных нечасто бывает лёгким. Вот и в это тягучее утро цех, грохоча всеми станками, как-то особо неласково встретил Максима. Вдобавок за парнем, шедшим к рабочему месту, ещё и Петрович увязался. Бригадир токарей-фрезеровщиков, стирая капельки пота со лба, на ходу вразумлял подопечного:

– Молод ты ещё, Максик, можешь таких дров сгоряча наломать. А мы ведь тут не сардельки штампуем! Навыдумывал, понимаешь, всяческой ерунды...

– Не навывдумывал я, Петрович, а так всё и есть, – отвечал Максим. – Докапывается до меня Эдуардыч. Но пусть не умничают, настоящую причину я знаю! Спуску ему не дам. Не посмотрю, что он тут начальник.

– Ты, Максик, это... полегче на поворотах.

– Никакой я тебе не Максик! И вообще! Лучше, Петрович, не лезь не в свои дела!

Вот такой получился разговор с бригадиром. Не самое лучшее начало рабочей недели.

А вышел сыр-бор этот весь, конечно же, из-за девушки. Да-да, Максим влюбился окончательно и бесповоротно в их новенькую сотрудницу – Людочку из отдела технического контроля. Максим и сам-то недавно устроился на этот, самый большой в городе, оборонный завод (только в прошлом году отслужил он срочную в ВДВ).

Влюбившись, пару дней Максим повитал в облаках, но вскоре кончилась эйфория. Понял, что не один он питает нежные чувства к молоденькой красотульке. Сам Герман Эдуардович – начальник цеха – положил на девчонку глаз.

«Да ему же за сорок, виски, вон, седые! – мысленно возмущался Максим. – К тому же семья у него: жена, дети школьного возраста!» Но сердце начальника – оно ведь не рядовой ВДВ, которому можно приказывать. Не крикнешь ему: «Отставить!» Не услышишь в ответ: «Так точно!»

Сильнее всего возмущало Максима то, что и Людочка вроде как не чуралась общества Германа Эдуардовича. Внимание руководителя ей, кажется, даже льстило. Издали наблюдая, как эти двое непринуждённо болтают, Максим вскипал: «И что там так долго может втирать видавший виды мужик молоденькой девушке, да ещё приобнявши её якобы невзначай?»

Из-за всех этих грустных помыслов работа в последнее время у парня не ладилась: то сменную норму не выполнит, то деталь на ровном месте запорет. Однако Максим держался как мог. До сего дня держался. В этот же раз, получив нагоняй от Германа Эдуардовича, парень сдержаться уже был не в силах. На первом же перерыве, увидав, что в кабинке контролёров ОТК Люда осталась одна, он ворвался туда как ошпаренный.

– Чего это вы с Эдуардычем тут всё время шушукаетесь? – без обиняков начал Максим.

– Производственные вопросы решаем, – удивлённо подняв глаза, ответила Людочка, а после, загадочно улыбнувшись, прибавила: – И не только производственные.

– Ах вот как?! Тогда ты, наверное, в курсе, чего это вдруг наш начальник так неравнодушен ко мне в последнее время? Всё докапывается и докапывается!

– Так ясное дело: работать ты, Максик, стал хуже. Один раз брак, другой, третий...

– Какой ещё третий?! Две детали пока что я запортил...

– Пока что! – передразнила Людочка. – Разве не понимаешь, что у тебя за детали? Обстановка сейчас какая? Не сардельки ведь наш завод штампует!

– Значит, и ты туда же! Тоже песочить меня решила? Не сарде-е-ельки, не сарде-е-ельки!.. И вообще! Никакой я тебе не Максик!.. – задохнувшись от обиды и не договорив, он выскочил из кабинки.

– Да что с тобой? Эй, куда ты? – понеслось ему вслед, но голос Людочки утонул в шуме станков.

Оставшееся до обеда время Максим чувствовал себя хуже некуда. Пытался сосредоточиться на работе, да какое там? Пробовал медитировать, глядя, как эмульсия омывает крутящуюся заготовку, как из-под резца выкручиваются спиралевидные стружечные завитушки. Домедитировал! Только каким-то чудом не запорол он очередную деталь.

Умяв в заводской столовке гороховый суп и пюре с сардельками, Максим подуспокоился, а после мороженого и вовсе остыл. Да, аппетит у токаря-фрезеровщика, отпахавшего за станком полсмены, даже несмотря на переживания, оставался завидным. И решил тогда он спокойно поговорить со своей зазновой, чтобы расставить уже наконец-то все точки. Заглянул в кабинку ОТК, а там ему тётя Маша:

– Герман Эдуардович вызвал к себе в кабинет твою Людочку, она и ушла с четверть часа назад.

– А-а-а, – только и смог выдавить из себя Максим.

И снова нахлынуло на него, да так, как никогда прежде. От сытого спокойствия не осталось следа. Ноги сами собой понесли Максима в кабинет этого великовозрастного женатого ловеласа. Картинки в голове рисовались самые безобразные. Плохо соображая, Максим толкнул дверь без стука. А там... Нет, выглядело всё вроде бы как пристойно... на первый взгляд. Вроде бы! Но...

Кофейник на столике, овсяные печенюшки в вазочке, две малюсенькие чашечки ароматно дымятся. Максим знал, что Людочка – большая любительница хорошего кофе. И про её любовь к овсяному печеню он тоже был в курсе. «Ну вот и всё!» – бухнуло в голове Максима, и кулаки (на правом виднелась накладка «За ВДВ!») сжались сами собой.

Герман Эдуардович и Людочка так и застыли. Немая сцена чуть затянулась. Первым нашёлся, конечно, начальник цеха. Самоуверенным и, надо отдать должное, хорошо поставленным голосом спросил:

– Ты по какому вопросу, Максик?

– По личному! – зловеще ответил Максим. – И вообще! Никакой я вам не...

– А чуть позже нельзя?

– Нельзя, – твёрдо ответил он и, быстро глянув на Людочку, добавил: – Это, вообще-то, мужской разговор.

Герман Эдуардович посмотрел вместе с Максимом на Людочку, посмотрел на столик с кофе и печенюшками, посмотрел в окно и, протяжно вздохнув, вдруг растянул рот в улыбке:

– Ты вот что, племянница, про вашу с мамкой поездку в другой раз мне дорасскажешь. А пока... топай уже на рабочее место. Видишь, у меня тут с нашим передовиком производства мужской разговор намечается.

– Хорошо, дядя Гера, – ответила Людочка, собираясь подняться.

– Э-э-э... Дядя?.. Племянница?.. – еле слышно переспросил Максим, поглядывая исподлобья то на Германа Эдуардовича, то на Людочку. Он настолько растерянно хлопал глазами, что начальнику пришлось даже уточнить:

– Люда – дочь моей старшей сестры. Соответственно, она моя племянница.

– Извините, – хрипло вымолвил Максим. Он густо покраснел и, пятась к двери, поспешно прибавил: – Извините, я, кажется, что-то напутал.

Выпорхнув из кабинета начальника цеха, лёгкой походкой Максим шёл к рабочему месту. Станки – токарные, фрезерные – приветливо шумели вокруг. И даже Петрович вдали чему-то ласково улыбался. А впереди была целая рабочая неделя. Да, нужно собраться, время сейчас

такое, всё-таки не сардельки штампует завод! Максиму снова хотелось работать, давать норму. Снова хотелось жить!

Автор: Марат Валеев

Ночной перекус

Погода в нашу вторую смену сегодня выдалась морозной, на первом полигоне завода ЖБИ всё густо парило: и самосвалы, подвозящие бетон, и сам бетон, не успевший остыть после подвоза с бетонного узла.

А запарочные камеры, куда устанавливались заливаемые бетоном марки 100 формы под фундаментные блоки СП, так те вообще были покрыты густо клубящимся белым паром. Приходилось даже включать дополнительные прожектора, чтобы крановщица, белокурая Люся, которую сегодня было не разглядеть на верхотуре, без промашки подавала «туфлю» с бетоном прямо к рукам дяди Вани Тучкова, бетонщика пятого разряда.

Он хватал этими руками в верхонках поверх тёплых рукавиц отполированную до блеска рукоятку замка «туфли», сипло кричал Люсе наверх: «Ещё чуток на меня!» – и, широко расставив ноги в серых валенках по краям маслянисто поблескивающих ячеек стальной формы, с коротким хеканьем дёргал рукоятку замка на себя и вниз. Жидкий бетон серой лентой с шумом устремлялся в форму, дробно стучал по её стенкам мелкой щебёнкой.

Дядя Ваня на несколько секунд включал прикрепленный к туфле вибратор, и тот начинал с сердитым гулом мелко-мелко трясти туфлю, вытряхивая из неё остатки бетона.

Тут за дело брался я, семнадцатилетний бетонщик пока только третьего разряда: с чмоканием погружал в серую массу ручной вибратор весом с полпуда, включал его и, держась за рукоятку, уплотнял этим зудящим, старающимся вырваться из рук механизмом расплзающийся по ячейкам формы бетон.

Наш бугор, по совместительству мой дядя Равиль (его называли на русский манер почему-то – Саша), в это время армировал деревянные формы для колонн, периодически сверкая голубым огоньком электросварки. Это была сложная работа, и занимался ею только он сам.

Но вот все три тонны бетона разлиты по формам, утрамбованы и разглажены сверху до блеска, из них торчат свежестановленные петли из толстой проволоки. Когда блоки сутки пропарятся и будут готовы к отправке на стройки краснотурьинских объектов, кран вынет их за эти петли.

На полигоне стало тихо – можно перекурить в просторной столярке, где готовятся деревянные детали для опалубки форм, перекусить – у кого что с собой, – поиграть в теннис, погреться. Пощёлкивающие трубы парового отопления всегда держали в столярке высокую температуру.

Сухо стучащим пластмассовым белым шариком сразу же стали перекидываться через сетку стропальщик Коля Овсянников и электрик Юрий Шервуд.

А мы с дядей сидели – он на лавке, я на широком подоконнике – и с наслаждением курили и отогревались.

И тут даже через табачный дым мои ноздри защекотал знакомый дразнящий аромат – чеснока, укропа и ещё чего-то невероятно вкусного и сытного.

Сало! Это было сало домашнего посола. Его, небольшой такой, но толстенький брусок, пошуршав газетой, разложил у себя на верстаке столяр Михаил Колодный и стал нарезать большим складным ножом на аккуратные белые, чуть-чуть розоватые пластинки.

Мне до конца вечерней смены оставалось часа полтора – несовершеннолетнему по КЗоТу разрешалось работать только до десяти вечера, смена при этом у меня начиналась в три часа дня, в то время как вся «взрослая бригада» подтягивалась к пяти.

И вроде бы перед выездом на завод я неплохо пообедал в столовой рядом с нашей общагой, но довольно тяжёлая работа на морозе быстро сжигала все калории, и потому я был уже зверски голоден.

Дома, в общежитской комнате, меня в лучшем случае ждала припасённая на ужин банка кильки с полбулкой хлеба. А в худшем – если двое соседей затеяли выпивку без меня, они уже нашли эту несчастную кильку в моей тумбочке и сожрали её.

А тут этот невозможно аппетитный, прямо с ума сводящий запах.

И без того плоский живот тут же свело от голодных спазмов, он самым бессовестным образом громко заурчал и прилип к позвоночнику, показывая, что и мне пора бы того... что-нибудь в него кинуть существенного.

Я поспешно затянулся «Примой» и с деланным равнодушием отвернулся к промёрзшему окну, за которым стояла трескучая морозная уральская ночь. Туманную темень с трудом рассеивали мощные светильники и прожектора, которыми был утыкан наш первый полигон со всех углов и с крыши столярки.

Мне вдруг, ну совсем некстати, вспомнились мамины горячие и румяные пирожки с картошкой и жареным луком, которые я так любил запивать холодным вкусным молоком. Желудок вовсе взбесился, застонал и стал вгрызаться в позвоночник.

– На, перекуси, – услышал я вдруг участливый голос столяра, дяди Миши, и живо обернулся.

Столяр принёс мне ломоть хлеба с выложенным поверху солидным пластом сала, дразнящий аромат которого поблизости и вовсе оказался сумасшедшим!

– Тёща из деревни гостинец прислала, – пояснил Михаил Колодный, обращаясь не столько ко мне, сколько ко всем отогревающимся в столярке членам бригады. – Борова они закололи, аж на полтора центнера весом. Сала на нём, слышь, – с ладонь толщиной! Вот и передали нам килограмма три. Никто так не умеет солить сало, как мои тесть с тещей. Давай ешь, набирайся сил.

Я, для солидности выдержав секундную паузу, положил на подоконник недокуренную сигарету и, вытерев правую ладонь о ватные штаны, бережно принял этот сельский бутерброд, поднёс ко рту. Сало не стало сопротивляться натиску молодых нетерпеливых зубов и легко откусилось вместе с хлебом.

Язык, нёбо тут же ощутили божественный вкус этой жирной, в меру просоленной и начесночной массы, пропитанной ароматом лаврушки, сохранившего летний запах укропа, перца и ещё какой-то специи – сейчас я понимаю, что это был тмин. Всё это создавало непередаваемый вкусовой букет, вызывающий мощную реакцию слюнных желёз.

Прижмурив глаза от удовольствия, я проглотил первую порцию этого деликатеса и только тут обратил внимание, что в столярке стояла тишина, нарушаемая лишь пощёлкиванием пара в трубах парового отопления: оказывается, дядя Миша уже успел раздать бутерброды с салом всем, кто был здесь (с ним – человек пять-шесть), и все дружно уплетали их, в том числе и наш бригадир, мой дядя Равиль...

Всё, всё, на этом прекращаю дразнить тех, кто на диете, и тех, кто вообще не ест сала. К последним вроде бы должен относиться и сам автор текста.

Но я, татарин, выросший среди русских, можно сказать, с детских лет познал вкус свинины. В прииртышском селе Пятирыжск, где мы поселились после переезда из Татарстана, практически не было такой семьи, в которой бы не содержали свиней.

Всеядность этих животных, быстрый рост (начав откорм поросят с ранней весны, к началу зимы уже получаешь взрослых, весом нередко за сто кило, свиней), питательность и вкус мяса и сала – вот почему сельчане издавна разводят этих животных.

Глядя на русских (украинцев, немцев, белорусов и т. д.) и оценив выгоды разведения свиней, с годами это дело стали с охотой осваивать и «басурманы», живущие среди славян.

У нас в подворье была полная толерантность к ассортименту домашних животных: в закутках блеяли овцы и мемекали козы, мычали коровы и телята, мирно похрюкивали в своём свинарнике пухнувшие как на дрожжах, поросята, я уж не говорю о курах и утках.

Летом мясо нам на стол «поставляли» куры и изредка – овцы; телят обычно выращивали на сдачу в «Заготскот», что приносило солидную копеечку в семейный бюджет.

Ну а запасы мяса на зиму давали именно свиньи.

В 50—60-е холодильников у сельчан не было, поэтому свинина замораживалась в холодном чулане, сало засаливалось впрок в деревянных ящиках и, отправленное с приходом тёплых дней в подпол, могло держаться там хоть всё лето, до очередного забоя очередной бедной хрюшки (ну что поделать, такова уж их судьба) на следующую зиму.

Единственной, кто не употреблял свинину в нашей семье, была мама.

Но она понимала, что трёх пацанов, дочь и нашего отца, всегда занятого тяжёлой физической работой в совхозе, надо было чем-то кормить.

И хоть сама она не ела свинину, но для нас готовила. Суп или борщ на свином мясе, правда, могла похлебать, но наливала себе без мяса. Когда дома появлялась колбаса – а это случалось довольно редко, – мама не могла себе отказать в удовольствии полакомиться ей. Но всегда выковыривала из своих колбасных кружочков кусочки сала, во избежание, как она полагала, греха. И это нас забавляло: колбасная масса в любом случае содержала в себе какую-то долю свинины.

Став взрослым и самостоятельным и, следовательно, начав общаться с людьми не только из своей деревни, я видел, что свинину и сало с удовольствием едят и многие молодые казахи, хотя свиней при этом могли и не держать. А русские, в свою очередь, если попадали в гости к казахам, не чурались бешбармака из конины, вкуснейшей конской колбасы казы.

И это правильно, это и есть взаимопроникновение национальных культур на основе обмена кухнями, это позволяет людям лучше узнавать и понимать друг друга.

Я с уважением отношусь к людям, придерживающимся религиозных норм и правил и потому отказывающихся от не халяльной, не кошерной пищи – это их выбор, их образ жизни. Но и не осуждаю тех, кто, вопреки убеждениям далёких предков, стал употреблять в пищу то, что когда-то считалось запретным, – времена-то меняются, условия жизни тоже, и то, что считалось когда-то догмой, становится простым пережитком, предубеждением.

Как на мой взгляд, так есть можно всё, что нравится, что хочется попробовать (я, вон, уже лягушек отведал, и крокодилятину, страусятину, и даже акулу жареную ел!).

Главное, друзья мои, – не «ешьте» себе подобных! Вот это грех из грехов, ничем не оправдываемый...

Эк, куда меня занесло однако!

На чём же это я споткнулся и пустился затем в невнятные рассуждения?

Ах да! Перекусив бутербродами с салом, наша бригада с новыми силами вышла на тридцатиградусный мороз – встречать очередную порцию бетона и задорно, с шутками и прибаутками, залила его в формы, накрыла крышкой запарочную камеру и успешно завершила свою смену. Хороший перекус – он любому делу великое подспорье!

Автор: Тимофей Перевезенцев

Ваниль для механического цеха

– Семёныч, подай мне диск лепестковый. – Сварщик пятого разряда Тимофей Антонов выполнял заказ на производство. Сто метров ограждения лестничных маршей за смену. Многовато, конечно, но деньги платили хорошие, да и другой работы на данный момент просто не было.

Семёныч за обеденным столом заваривал чай.

– Антончик, ну сам возьми! Видишь, я делом занят, молодёжь обучаю...

Перед ним на табуретках сидели два молодых работника, принятые на испытательный срок. В цехе к ним привязались устойчивые прозвища – студенты, – и никого не волновало, что колледж они окончили больше года назад.

– Так вот... – деловито рассказывал Семёныч, поправляя ремень рабочих брюк, – на три доли чёрного азербайджанского чая нужно взять две доли сибирской мяты и треть одной доли хвои. Понятно вам? У кого с памятью плохо, записывайте!

– Ты бы лучше их на токарном станке подтаскал, – хмыкнул Тимофей. – Ребята месяц уже у нас, а не знают, с какой стороны к нему подходить.

– Что ты заладил: станок, станок, – насупился Семёныч, – ты же знаешь, без техники безопасности нельзя. А наша специалист в декрет ушла! Ждём, когда нового пришлют. А пока им только вон – стружки подметать да чай заваривать.

Двое молодых, Серёжка и Сёма, улыбаясь по-детски, переглянулись.

– Дядя Витя, – сказал один, – а мята обязательно сибирская должна быть?

– Да чтоб тебя! Какой я тебе дядя? – осерчал Семёнович. – Сколько раз тебе говорить, Семёнычем меня зови! Все уже так лет пятьдесят зовут. Я уже и сам забыл, кто я по паспорту.

Тимофей отключил болгарку из розетки и подошёл к шкафу с инструментами, долго там что-то искал, потом недовольно посмотрел на Семёновича.

– Слышь, дядя Витя, а ты диски на сто двадцать пятью заказывал?

– А то! Ещё в понедельник.

– Лепестковые?

– Лепестковые... – Семёнович почесал затылок, – лепестковые нет...

– Вот ты как всегда! – психанул Тимофей и пнул дверцу шкафа. – Ну как мне теперь это ограждение-то закончить без лепестковых? Заказчик не примет необработанные.

В глубине мехцеха загудел токарный станок. Противный металлический скрежет никогда не нравился Тимофею. То ли дело сварка, или горн, или свист болгарки. А это всё казалось ему ненастоящим, искусственным, что ли.

– Митяй, ну зачем ты её включил? Глуши свою турбину! Пошли чай попьем! – пытаюсь перекричать свист железа, надрывался Тимофей.

Митяй, широкоплечий, бородатый мужик с вечно недовольным лицом, посмотрел на часы и показал Тимофею ладонь с растопыренными пальцами. Это означало, что он даёт на чаепитие пять минут. Митяй вообще редко говорил, так же как и улыбался, больше всё показывал руками, тяжело вздыхал или бубнил что-то нечленораздельное себе в бороду, когда был очень недоволен.

– И так башка раскалывается, а ещё этот свист, – ворчливо сказал Тимофей, усаживаясь за стол и подвигая поближе к заварнику кружку. Снял рабочую кепку и бросил рядом на лавочку. Его жёсткий волос торчал во все стороны, кончик носа был измазан в чём-то чёрном. Семёнович, глядя на него, заулыбался.

– Антончик, почему у тебя пяточок всегда чёрный, как у поросёнка?

Двое молодых тоже захихикали.

– Да у меня с детства так, что бы ни делал, а нос всегда грязный... Чешу, наверное, часто, – отмахнулся Тимофей.

В железные ворота мехцеха громко настойчиво постучали, открылась дверь, и в помещение вошла девушка лет двадцати пяти, в фирменной робе для ИТР и белой каске. В руках она держала папку.

– Здравствуйте! – весело сказала она всем присутствующим. – Давайте знакомиться. Я – ваш новый специалист по технике безопасности.

Семёныч сразу засуетился. Редко к ним в цех заходили девушки, тем более такие молоденькие и симпатичные.

– Здравствуйте! – приветливо заговорил он. – Прошу к нашему столу. Как раз чаёк готов!

Девушка подошла и подала руку.

– Зовут меня Татьяна Александровна.

– Семёныч. Старший токарь, – представился Семёныч и, пожимая её ладонь, кокетливо повернул голову набок. – Это наши два студента – Серёжа и Семён. Скорее всего, по их душу вы приехали?

– Да, и по их тоже. А где начальник участка или мастер?

– Начальник на выезде. На объект срочно позвали, а мастера у нас отродясь не было. Всё он ведёт. И журнал заполняет, и учёт продукции, и за качеством следит.

– Знаю, знаю я вашего Солгалдинова, – кивнула Татьяна, – в конторе уже познакомились, но всё равно нехорошо цех без начальника оставлять. Тогда бригадир мне нужен.

– А бригадир вот он, – показал Семеныч на Тимофея, – сидит в сторонке, стесняется.

Татьяна повернулась к Тимофею. Взгляд больших голубых глаз был серьёзный, но за этой серьёзностью Тимофей увидел ещё и тепло заботливости, и озорной огонёк.

– Ну, что же вы, бригадир, стесняетесь? – ехидно спросила она.

Тимофей, недовольный шуткой Семёновича, с прищуром посмотрел на него, привстал и подал Татьяне руку.

– Антончик... – сказал он и осёкся, – ой, блин, какой нафиг Антончик? Тимофей! Тимофей Антонов.

– М-м-м... – иронично протянула тэбэшница. – Тимошка-Антошка, значит?

Двое молодых расплылись в широких улыбках, показывая зубы.

– Ну что, бригадир, проведёте мне экскурсию по цеху?

Тимофей поспешно встал, тут же вспомнил, что у него грязный нос, подошёл к умывальнику, стал шумно оттирать чёрное пятно.

– Вот здесь у нас умывальник, – говорил он, – а Семёныч находится в зоне приёма пищи.

Татьяна Александровна хихикнула.

– Покажите мне лучше пожарный щит!

Они прошли вдоль цеха, мимо станков, ящиков с заготовками, мимо разложенных на картоночках и поддонах деталей. Остановились у стены с информационным щитом и плакатами по ТБ.

– А вот эти плакаты мы знаем и каждое утро их проверяем...

– И что вы проверяете? – изумилась Татьяна.

Тимофей понял, что сказал какую-то глупость, и начал на ходу придумывать оправдание:

– Ну... Знание! Мало ли. Никто ничего не забыл?

– Ага... Теперь понятно. – Они подошли к плакату первой помощи. – А искусственное дыхание вы Семёнычу делаете?

Тимофей от волнения смутился и не сразу понял шутку. Глядя на его растерянный вид, она опять громко захихикала.

– Ладно, ты что такой напряжённый? Не переживай. Проверка будет не жёсткая. Я же первый раз. Не хочу вам мегерой запомниться. Вот, что нужно, вижу – пожарный щит, лопата, багор, топор, два ведра, два огнетушителя. Супер! А где у вас журналы хранятся?

– Да это вон по той металлической лестнице на второй этаж, кабинет Фёдора Ивановича.

– Солгалдинова? – спросила Татьяна. – Хорошо, тогда я пойду туда, заполню кое-какие анкеты, а ты тех двух молодых позовёшь ко мне минут через пятнадцать?

Она развернулась, и Тимофей почувствовал запах её духов. Этот запах разливался по цеху и смешивался с запахом жженого металла и машинным маслом.

Татьяна поднималась по металлической лестнице на второй этаж в кабинет начальника участка, а Тимофей стоял как замороженный и смотрел, как короткие белые сапожки переступают с одной ступеньки на другую. И вдруг сапожки остановились. Тимофей поднял глаза на Татьяну, а она стояла и улыбаясь смотрела на него.

– Бригадир, ты что, уснул? – опять пошутила она и помахала рукой.

Тимофей вздрогнул, развернулся и пошёл к ребятам быстрым шагом. По пути встретился ему Митяй. И – это что-то невероятное! – он улыбался, показывая Тимофею поднятый вверх большой палец. Тимофей криво ухмыльнулся в ответ.

– Антончик, ты чего это сам не свой? – спросил Семёнович, разливая чай по бокалам. – Влюбился, что ли?

– Влюбился?... – задумчиво переспросил Тимофей, но потом опомнился. – Ты это брось! Скажи лучше, почему мне диск лепестковый не заказал?

– Чай попей, – добродушно подвинул ему стакан Семёнович, – с этими дисками успеется, ты мне скажи, что с девушкой-то делать будешь?

– В смысле что делать? – не понял Тимофей, принимая свой стакан. Отхлебнул. Чай был горячий и крепкий, он поморщился. – Экскурсию провёл, а что ещё надо?

Семёныч покачал головой.

– Эх, молодёжь! Всему вас учить надо! Почему, скажи мне, Антончик, от заваривания чая до обхаживания девушки, всему вас надо учить! Вот помрём мы, старики, что от вас останется? Одно негодование да, вон, клякса чёрная на носу!

Тимофей потёр нос.

– Я же умывался!

– Да это я так, чисто метафорически! – сказал Семёнович, отхлебывая чай из большой чёрной кружки.

– А ты обратил внимание, как она пахнет? – вдруг неожиданно сам для себя сказал Тимофей.

– Угу, – деловито ответил Семёнович. – Ваниль. Хорошие духи!

– Серёга, Семён, – вспомнил Тимофей, – сходите в кабинет, технику безопасности пройдите под роспись.

Студенты быстро вскочили с места и охотно побежали к тэбэшнице.

Семёныч и Тимофей пили чай молча, размышляя каждый о своём.

– Вот так оно и получается... – наконец нарушил тишину Семёнович, помолчал, глядя куда-то в сторону, и снова отхлебнул.

Тимофей поднял на него глаза, подождал немного, не дождавшись, спросил:

– Семёныч, что получается-то?

Семёнович же, видимо, забыв, что хотел что-то сказать, удивлённо посмотрел на Тимофея.

– Что получается?

– Ну ты вот только что чай пил и говоришь: «Вот так оно и получается...» Что получается-то? Договаривай!

Семёнович глубоко задумался, вспоминая, о чём это он, но, видимо, не вспомнил, по рассеянному взгляду Тимофей это понял, махнул рукой и пошёл в курилку.

Прикуривая сигарету, он обратил внимание на грязь под своими ногтями, постыдился этому и пообещал себе сегодня, после душа, обязательно постричь ногти.

Присев на лавочку, он опёрся спиной о покрашенную стену, прислонил к ней голову и закрыл глаза. Он слышал, как тэбэшница, Серёга и Семён громко спускаются по металлической лестнице, как прощаются, как хлопает громоздкая дверь цеха. Он подошёл к окну и проводил Татьяну взглядом.

Перед служебным автомобилем она замешкалась, ещё раз обернулась на их мехцех, поправила свою белую касочку, оглянулась по сторонам. Открыла дверь и села в машину. Может быть, она ждала, что Тимофей выйдет с ней попрощаться. Машина завелась и неохотно тронулась по щебёночной дороге, вскоре скрылась за поворотом. Тимофей стоял и смотрел ей вслед, недокуренная сигарета погасла в его руке.

На душе было удивительно светло и спокойно. В груди мягкими ударами билось сердце. Он чувствовал каждый его толчок, как тёплая кровь пульсирует по его венам. В мехцехе снова засвистел токарный станок. Но на этот раз его свист не раздражал Тимофея, а наоборот, даже чем-то напоминал ему песню одинокого соловья в летнюю ночь. Тимофей вышел с курилки бодрый и улыбающийся.

– Семёнович! – крикнул он, перекрикивая шум токарного станка. – Да хрен с этими дисками лепестковыми! Ты не переживай! Я это ограждение обычными так зашлифую, как серебро у меня заблестит! – Он подошёл к рабочему месту. – Да что нам сто метров? Да при таком раскладе я и сто пятьдесят, и даже двести смогу! Эй, молодёжь, – позвал он студентов, – тащите электроды и маски, сейчас я из вас специалистов делать буду! Я вам покажу, как правильно швы накладывать!

Семёныч сидел в своём кресле и загадочно улыбался, глядя на Тимофея, попивая свой терпкий и уже остывающий чай.

Автор: Ирина Юсупова

Выброшенная обитель

Меня не покидало ощущение, что я забыл сделать нечто важное. До чего обидное, разжигающее и одновременно душащее внутри чувство. Всё было нормально, я бы даже сказал, хорошо, жизнь шла своим чередом, но чего-то действительно не хватало.

Понять это способны только те, кто пережил подобное. В ином случае ничто не поможет: ни роман, ни учебник.

Я нахожусь в большом здании небоскрёба и смотрю из панорамного окна вниз. В голову, как обычно, лезут разные мысли, о которых вроде бы глупо задумываться взрослому состоятельному человеку, но со мной бывает. В такие моменты я просто выпадаю из жизни.

В сферах, где интеллектуальная среда сводится к абсурду и практически каждый шаг человека может быть отслежен спутниковой аппаратурой, я столкнулся с тем, что было для меня непознанным и необъяснимым.

Я познакомился с ней в автобусе. У меня забарахлила полётная машина, а времени сдать её в ремонт не было, я очень спешил на совещание – обычно мы проводили их дистанционно, но не в тот день.

Я привык к давно отработанной рабочей схеме, зажался в рамки бюрократической системы настолько, что она плотно засела мне в мозг, я сам начал действовать как алгоритм – словно одна из наших разработок.

Информационный поток в нашем мире стал быстрее и объёмнее, чем когда-либо, и человечество столкнулось с двумя проблемами. Первая – абсолютная автоматизация человеческих процессов. Вторая – большое количество суицидов. Люди разучились пользоваться своими ресурсами, впитывали безэмоциональность с молоком матери.

Естественный отбор работал очень хорошо. Дебилов и безработных стало гораздо меньше.

В летающем общественном транспорте редко встретишь человека, который не смотрит очередное развлекательное видео.

Должен признаться, поломка машины сильно меня разозлила. Нужно было срочно пройти курс сброса эмоционального напряжения. К счастью, таких видео- и аудиокурсов в сети полно – любую эмоцию можно было взять под контроль и использовать себе на благо. Просмотр драм, комедий, ужасов и документальных художественных фильмов состыковали с универсальным человеческим биоритмом, который позволил получать необходимый эмоциональный ресурс.

Впрочем, это было не особо увлекательно. Я давно не видео ничего интересного в своём видеоустройстве. Мир вообще будто бы стал совершенно неинтересным. Любовь пропала, отношения были нужны только для продолжения рода – но ни о каких чувствах речи не шло, главное, чтобы оба кандидата обладали достойными генами. Женщины стали настолько самостоятельными, что несколько феминистических восстаний в прошлом так и не смогли сдержать. А теперь женщины работали наравне с мужчинами, некоторых даже внешне не отличить от мужчин. Многие делали себе операцию по смене пола – лишь бы приблизиться к идеальному, сильному мужскому организму. Так было удобно. А система действовала по пути наименьшего сопротивления. Мы эволюционировали. Конкуренция на рынке труда взлетела до небес.

Поломка машины сказала на моём самочувствии. Наручные часы несколько раз про-
сигналили о внутреннем резонансе. Это была ошибка. Ошибкой было садиться в городской
транспорт.

Я включил медитативные практики для улучшения дыхания, а затем... вдруг почувство-
вал на себе взгляд.

В полупустом автобусе мы пересеклись взглядами, и моё тело будто пронзило молнией.
Она рассматривала меня с живым детским интересом, наматывая на палец кудрявые волосы,
в уши были воткнуты старые наушники, я таких давно не видел. Игривый взгляд, лёгкая
улыбка. Затем, как мне показалось, она смущённо отвернулась и стала разглядывать пролета-
ющий мимо транспорт.

Она была абсолютно не похожа на всех вокруг, будто гостя из прошлого. Она нервно
сжимала подол яркого платья и болтала ногами в кедах. Разглядев их получше, я убедился,
что на обувь налипла грязь.

Вот тут мне показалось, что я начинаю сходить с ума. Я почувствовал невероятный инте-
рес и влечение к незнакомке.

А когда она выдула из жевательной резинки пузырик, который тут же лопнул с хлопком,
разнёсшимся по автобусу подобно взорвавшейся бомбе, я понял, что теряю связь с реально-
стью.

Она показалась мне абсолютно свободной. Я собрался отключить медитативный курс,
чтобы подойти и заговорить с ней, но ровно в этот же момент, она резко встала и устремилась
к выходу. Я дёрнулся, чтобы выбежать за ней, но уловил косые взгляды нескольких пассажиров,
смутился и опустил на своё сидение.

Транспорт ускорился, но я успел разглядеть её удаляющийся силуэт. Она пританцовы-
вала, направляясь к одному из небоскрёбов.

Я откинулся на сиденье. По телу разлилось ощущение теплоты и невероятного душевного
подъёма. Встречусь ли я с ней ещё? Мне точно хотелось этого. Давно не видел никого настолько
свободного, лёгкого... возможно, никогда не видел.

Весь день я с трудом мог сосредоточиться на делах, но в целом всё шло как обычно.
Я попросил у своей секретарши связаться с одним из разработчиков социальных сетей. Всех
жителей мегаполиса обязали привязать свою страницу к глобальной сети. Это была ниточка,
которая вывела бы меня к той свободной девушке.

Вечером после работы я встретился с ним. Когда я задал вопрос о поиске, его это не уди-
вило.

– Как его имя? – спросил разработчик.

– Не знаю.

– Фамилия, адрес?

Я признался, что не знаю абсолютно ничего о человеке, которого хочу найти. Брови раз-
работчика резко взлетели вверх.

– Вы действительно хотите найти человека не для личных целей? – Немолодой мужчина
смотрел на меня, как на идиота. – Почему ваша компания решила найти человека, о котором
ничего не известно? Для чего?

Я засомневался, стоило ли так связываться с ним, не подготовив правдоподобное оправ-
дание.

– Вам нужно предоставить мне документацию, связанную с поиском.

Моя просьба звучала глупо и иррационально. Он почуял неладное и теперь пытался рас-
спросить меня.

– Естественно, мы сможем найти человека по ДНК или по визуальным признакам, даже
вы сможете сделать это оффлайн. Но на поиск, осуществляемый без конкретной цели, в нашей

юрисдикции существует закон. База фильтрует ошибки. – Разработчик почесал голову и пожал плечами. – Возможно, вы скрываете какую-то информацию?

– Спасибо за визит, – произнёс я, пожимая руку голограмме. Лёгкий рассыпчатый материал, из которой воссоздавался мой собеседник, чуть не разлетелся от рукопожатия.

– Недавно мы обнаружили дефект в системе некоторых курсов, – продолжил рассуждать он. – Вы точно не пользовались эмоциональной средой в последнее время?

– Нет. До свидания. – Я отключил связь.

Мою машину уже успели починить, и курьер пригнал её к окну здания.

Вечером я занялся поиском самостоятельно. Нашёл около тысячи женщин с похожими чертами лица, но её среди них не было. Точнее, я не запомнил её лица досконально, я запомнил ощущения и несколько визуальных признаков. Вечер прошёл впустую.

Я почему-то не смог уснуть. В капсуле были созданы все условия для хорошего сна, но тем не менее количество мыслей просто рвало мне крышу.

Открыв капсулу, я сделал то, чего бы никогда раньше не сделал. Я рассчитал, как добраться до работы снова тем же общественным транспортом. Я посмотрел время, в которое встал вчера, просчитал, как повторить вчерашний день и маршрут. Всё должно было выглядеть правдоподобно: та же поломка машины, тот же маршрут автобуса. Никто не должен был понять, что эта поломка связана с человеческим воздействием, иначе меня могли бы легко отправить на реабилитацию в один из профилактических центров.

Я не знал, как это сделать. Найти ответы в сети тоже нельзя было – все поисковые запросы отслеживались. Мне был нужен левый сервак, но достать его не так уж просто.

Ночью я отправился в нижнюю часть города. Только там был нужный мне магазин – я знал это точно, хотя никогда раньше в нём не бывал. Нужно было прикрытие, чтобы никто не понял, почему я вдруг нарушаю режим и гуляю, хотя мне это несвойственно. Курьер доставил мне живую собаку в тот же день.

Собак выдают душевнобольным и кретинам-суицидникам, но всё же это было меньшим злом. Мне не было никакого дела до этого существа – я преследовал другую цель.

Мы прогулялись ровно до магазина закрытых пользователей товаров. Система наблюдения магазина начала сканировать меня сверху вниз, и когда камера опустилась до уровня собаки, двери тут же распахнулись.

Я зашёл внутрь. На стене красовалась яркая надпись-граффити «Выброшенная обитель». В магазине горела тусклая, временами мигающая лампа. За интерактивным прилавком, на котором лежали комиксы, на старом компьютерном кресле крутился дед. Увидев меня, он тут же схватил водяной пистолет и направил его на меня.

Я дёрнул собаку за поводок. Она выбежала из-за моей спины и прижалась к моей ноге.

– Мне... твоя... собака ничего не говорит. Ты ненормально одет! – заявил дед в майке-хиппи, которая была настолько яркой, что даже слепила глаза, несмотря на пятна от лапши. Старик всё ещё направлял на меня пистолет.

«Ненормально одет?» Мой чёрный, идеально выглаженный костюм из тонкого полимера точно не подходил этому хаотичному магазину.

– Опять с проверкой? – Дед размахивал водяным пистолетом из стороны в сторону, пытаясь напугать меня.

Он выпрыгнул из-за прилавка и приблизился ко мне, теперь уже направив оружие прямо мне в лицо. Я не шелохнулся.

– Вы меня живым не возьмёте! – крикнул дед и выстрелил. Я дёрнулся – кто знает, в голове у этого сумасшедшего старика? – и почувствовал, как холодная затхлая вода катится со лба по щекам и стекает с подбородка.

Тем временем дед упал на четвереньки, пролез между моими ногами и вновь выстрелил – теперь уже мне в зад. Костюм неприятно намок. Похоже, я прошёл своеобразный ритуал посвящения, потому что дед вернулся в своё кресло и хитро поглядывал на меня.

– Может, теперь поговорим? – предложил я.

– Ты не суицидник и не городской, – сказал старик, закинув ноги на прилавок. – За один только взмах пистолетом меня бы уже снесли вместе с этим магазином.

– А зачем тогда это представление? – недоумённо спросил я. Собака слизывала капли с пола около моих ног.

– Для веселья, – подмигнул старик. – А так у меня тут разное имеется.

Он нажал на кнопку на прилавке. В стенах со всех сторон открылись отверстия, и на меня направились вполне знатные полусовременные пушки.

– Есть ещё система катапульты, если хочешь, опробуем, – заявил дед и засмеялся.

– Нет спасибо. Я здесь по другому делу.

– Даже собаку завёл. До чего жизнь довела, – продолжал веселиться дед. – Мой магазин, кстати, крайне мобилен, я егодвигаю куда хочу. Но он для крайних извращенцев, таких, как ты, мой друг, но извращения в меру тоже прекрасны. Да и чего там! Без меры они тоже прекрасны... Ты у меня, кстати, уже четвёртый клиент на этой неделе, это небывалая прибыль моему магазину. Давно такого не было. Очень скоро и городские будут жить нормальной жизнью и-и-и... Нормально одеваться. – Он показал пистолетом на свою майку. – Так зачем ты пришёл?

– Мне нужен левый сервак, – заявил я, немного замаявшись.

– Левые серваки нынче в цене, – ответил дед. – Они весьма и весьма популярны.

Он ткнул в серую кнопку на допотопном ноутбуке, и тот включился.

– Сколько ты готов заплатить?

Он внимательно посмотрел на меня, ожидая реакции.

– В зависимости... от его... себестоимости, – промямлил я.

– Да ладно тебе, друг мой, – шутливо произнёс старик, глядя на экран загрузки. – Выйдет дешевле твоей собаки. Иди сюда, посмотри, какой тебе нужен.

Я показал ему сервак одной известной фирмы, которая контактирует с нашей, и один левый поисковый сервер.

– Два, значит?

Я кивнул.

– Сейчас достану. – Он нажал кнопку и спустился в подвал и подозвал меня, дёрнув несколько раз пистолетом.

Среди хлама дед достал два хоста, похожих на металлические книжки, и вручил с такой гордостью, которой я ни у кого не видел раньше.

– Пользуйся с удовольствием, извращенец. – Он хлопнул меня по спине. – Ты ещё молод, у тебя вся жизнь впереди.

Я вышел из подвала, сжимая серваки.

– Тебе пора, ты тут уже долго ошиваешься, – строго сказал дед.

– А что по цене?

Дед задумался на секунду, а потом показал на мою собаку водяным пистолетом.

– Вот что я заберу. Назову его Штепсель.

Я без раздумий отдал ему поводок.

– Лучше заведи себе голограмму вместо собачки, – посоветовал он. – Если, конечно, не хочешь быть отправленным в ваши концлагеря реабилитации. Если нужны будут горячие видеоролики... ну ты понял какие... возьми мою визитку на столе.

Я взял визитку на случай, если серваки не будут работать, попрощался и вышел из магазина.

Штепсель залаял мне вслед, а дед погладил его по холке, взял со склада тушёнки и наложил псу в миску. Это последнее, что я видел из-за закрывающихся дверей.

Когда я отошёл метров на сто, магазин поднялся в воздух и устремился в звездное небо. Зрелище необычное – если к летающим машинам все давно привыкли, то вот летающих домов видеть мне пока не приходилось. Это было похоже на один из психозных снов.

Я сварганил что-то похожее на Штепселя на своём устройстве. Получилось не так уж и похоже, голограмма даже не тявкала, не виляла приветливо хвостиком. Я бросил взгляд на место, где только что стоял магазин. Может, не стоило отдавать странному деду собаку?

Домой я добрался без происшествий. Светало.

До работы оставалось немного времени. Я загрузил сервер и нашёл, как аккуратно сломать машину, чтобы списать поломку на обеспечивающую компанию. Повозившись в гараже с машиной, подручными средствами и имеющимися химикатами, я наконец-то добился своего: автомобиль не взлетал.

Точно отсчитав время и дело до мелочей, я направился к автобусу, наслаждаясь предвкушением встречи с гостьей из прошлого. Я был уверен, что встречу её вновь!

На какой остановке она зашла? Я не помнил, поэтому каждый раз, когда открывалась дверь, нетерпеливо подпрыгивал, смотря на новых пассажиров. Гости из прошлого не было.

«Всё зря», – думал я, с каждой остановкой теряя надежду. Она так и не появилась.

Я работал как обычно, будто бы ничего не случилось. Лениво думал о том, что нужно бы выкинуть серваки – всё равно не пригодились, а хранить такое опасно. Зачем я вообще в это ввязался? Ради чего?

Часы несколько раз пропищали, оповещая об эмоциональном напряжении. Когда я в сотый раз за день мысленно назвал себя идиотом, на экране видеоаппаратуры высветились несколько медитативных курсов и настоятельная просьба пройти один из них. Почему бы не выбрать вчерашний?

Я закрыл глаза, стараясь расслабиться... как вдруг... услышал чей-то смех.

За окном была она. Та девушка, которую я так искал. Она склонилась над асфальтом и выводила на нём какие-то квадраты, а когда дорисовала, откинула мелок и начала прыгать по фигурам с цифрами и заразительно смеяться. Мои губы невольно растянулись в улыбке – девушка заражала весельем, бетонный остров будто ожил с её появлением.

К чёрту всё! Я выключил курс и помчался вниз, минуя всех сотрудников, что провожали меня непонимающими взглядами.

Входная дверь с грохотом распахнулась, но... Та девушка уже куда-то убежала. Только эти странные квадраты остались. Без неё они будто потеряли смысл: я смотрел на фигуры с цифрами и не понимал, что в них такого весёлого. Я обошёл здание несколько раз, но её, как назло, не нашел. Пришлось вернуться на работу, тут же получил по самое не балуй от шефа и коллег. Еле придумал отмазку – врать нельзя, наручные часы фиксируют ложь, – сказал, что увидел квадраты, поэтому спустился вниз.

На меня косились с непониманием и недоверием весь день. Я стерпел. А вечером с левого сервака сформировал письмо на имя директора, обязующее провести поиск человека для меня. Я напряг всю свою фантазию для этого.

Неделя после этого была очень насыщена рабочими делами и всякой другой ерундой. Я часто поглядывал в окно на эти квадраты, пока во вторник их не смыли роботы-уборщики. Остались только бледные, едва заметные цветные полосы – если не знать, то и не поймёшь, что за рисунок там был раньше.

В воскресенье на левый сервак пришёл ответ. Адрес, где она живёт! Я бросил все дела и поехал к ней.

Я бежал, будто ужаленный гигантской пчелой, по винтовой лестнице её небоскрёба – точно такого же, как и мой. Я знал в этом небоскрёбе всё, хотя никогда здесь не бывал.

Та же лестница, что у меня. Те же двери в квартиры. То же окно в подъезде... Я застыл, увидев её: она разглядывала что-то через окно. А затем она обернулась и одарила меня своей лучезарной улыбкой. Она вытащила старые наушники из ушей, и мне показалось, что я слышу собачий лай и голос того деда под бит. Возможно, старик действительно делал свою извращенскую музыку, но это было не важно.

Они были свободны. И тот дед, и она. Будто единственные живые, настоящие гости из хаотичного мира, случайно заглянувшие в нашу упорядоченную систему.

Я едва мог шевелиться и просто смотрел на неё. Она засмеялась и взяла меня за руки. А затем, как к родному, прижалась ко мне...

* * *

Четвёртый клиент на неделе...

Автор: Станислав Заречанский

Горная порода

*«Жизнь теряет смысл, когда уходят близкие.
Кто ты в этом зеркале, из каких краёв?
Где твоё отечество, польское, английское,
Русское, французское, но твоё?»*

Николай Шипилов

Раскалённое солнце садилось за горизонт... Там, за темно-зелёной полоской бора, где ещё можно было остудить своё горячее сердце, бежала река Обь.

Когда красный шар провалился в хвойную полосу до половины, то в каменный забой хлынул горячий свет. Огромные гранитные стены карьера, похожие на скалы, своими стометровыми отвесами напоминающие испанские каньоны, вдруг покраснели, и все трещины на их литых и неровных боках зазвучали по-новому. Словно живая старость улыбнулась. Вековые морщины расправились, и бронзовый загар большого кратера стал пульсировать в небо. Здесь земля открывала свою душу, но ненадолго.

По-новому зазвучали разноцветные ярусы карьера. Красный, зелёный, белый, рыжий... Должно быть, эти многовековые залежи хранили историю.

Я подошёл к обрыву. Посмотрел вниз. Когда-то, мальчишкой, здесь забавлялся с друзьями, сбрасывая покрышки от грузовика вниз, кидал и камни. А сейчас в голове одна мысль: «Дяди Вити больше нет!»

Далеко, в бесконечной низине, где маленькие красные озёра напоминали другую планету, стоял крошечный экскаватор. Буровые вышки, расставленные на почтительном расстоянии друг от друга, стояли молча, как забытые старые мельницы, и тоже казались крошечными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.